

Другая сторона, Чу Мэн, пребывала в не менее скверном расположении духа.

Три года назад Мужун Цзюэ приблизил её к себе, и все вокруг решили, что теперь её ждет головокружительная карьера. Одно время она была предметом зависти бесчисленного множества женщин.

Даже она сама верила, что Мужун Цзюэ оставил её при себе из любви, и сердце её ликовало. Но в итоге он лишь держал её рядом, изредка поглядывал, но не делал ровным счетом ничего.

Сначала Чу Мэн терзалась сомнениями и пыталась проявлять инициативу, но каждый раз получала холодный отказ. Лишь позже, случайно обнаружив портрет, который Мужун Цзюэ прятал и рассматривал днями и ночами, она вдруг всё поняла.

На картине была изображена необыкновенной красоты женщина, которая, если присмотреться, была на пять частей похожа на неё саму.

В одно мгновение все загадки сложились в единую картину: она была лишь заменой.

Она вспомнила, как бесчисленное множество раз ловила на себе взгляд Мужун Цзюэ — такой чужой, словно он смотрел не на неё, а на кого-то, кто стоял у неё за спиной.

Больше всего злило то, что женщина с портрета вернулась всего через три года. Чу Мэн уже не питала надежд на взаимность, но вся её нынешняя жизнь зависела от Мужун Цзюэ. Стоило той, кого он по-настоящему любил, вернуться, как у неё не оставалось причин здесь оставаться.

Она решила заманить Цзян Сюньцзянь в логово заклятых врагов — секту Шуян, чтобы чужими руками устранить соперницу.

Увы, как бы хитроумно она всё ни рассчитывала, в итоге сама же и попалась в свои сети.

Когда Мужун Цзюэ спас её, сняв со стены, она набралась смелости и спросила:

— Если бы тогда упала я, ты бы пришел?

Что ответил Мужун Цзюэ?

Верно, он стоял к ней спиной, обнимая потерявшую сознание Цзян Сюньцзянь, и его голос был лишен даже тени чувств:

— Это не тот вопрос, который тебе стоит задавать.

Не тот вопрос, который мне стоит задавать...

Чу Мэн с силой швырнула чайную чашку на пол. Служанка Чуньхуа вздрогнула.

— Госпожа, случилось что-то недоброе?

Чу Мэн подозвала её ближе, наклонилась и прошептала что-то на ухо.

Наступил следующий день. До истечения трехдневного срока, отведенного Мужун Цзюэ, оставались сутки.

Цзян Жао сидела на качелях во дворе, машинально жуя горсть сухофруктов.

Она уже два дня вела праздный образ жизни: ела, спала или болтала со служанкой Сяо Тао. Магический лекарь, которого она вызвала в прошлый раз, оказался весьма толковым — после двух порций отвара аппетит у неё стал отменный.

Хотя Система то и дело подгоняла её, требуя совершить первое злодеяние — то есть выполнить пропущенное задание и насолить Чу Мэн, — Цзян Жао, будучи в прошлой жизни добросовестным офисным планктоном, теперь страдала запущенной формой прокрастинации. Как в школьные годы с домашкой, она была твердо намерена откладывать всё до последнего.

Конечно, главным образом она считала, что строить козни без причины — дело низкое, а делать это ради мужчины — вообще глупость несусветная.

Система: Ты уже два дня бездельничаешь в ожидании смерти. Немедленно приступай к выполнению первого задания по переходу на сторону зла.

Цзян Жао: Я разве не об этом думаю? Но неужели мне, как оригиналу, нужно толкать кого-то в воду? Это же так... низко.

Система: Это не входит в сферу интересов данной Системы.

Цзян Жао закатила глаза: Тогда закройся.

За эти дни она поняла, что Система не совсем бесчувственна — если проявить терпение и водить его за нос, можно найти множество лазеек.

Сяо Тао незаметно подошла к ней, держа в руках поднос с изысканными пирожными.

Цзян Жао тут же схватила одно и запихнула в рот. Вкус был превосходным, и, набив щеки, она спросила:

— Сяо Тао, что это? Так вкусно.

— Пирожные с цветами сливы.

Как только Сяо Тао закончила фразу, Цзян Жао отправила в рот второе пирожное, и в её голове внезапно взорвался голос Системы:

— В этих пирожных яд.

Испугавшись, Цзян Жао выплюнула кусок, который уже был во рту, и побежала к водоему, пытаясь вызвать рвоту, хотя, конечно, ничего не вышло.

Сяо Тао, окончательно опешив, смотрела на неё:

— ???

Система: Не бойся, ты не умрешь.

В душе Цзян Жао вспыхнула надежда, она вернулась на качели. Система добавила:

— Просто всё тело будет нестерпимо чесаться.

— А раньше сказать не мог?

Цзян Жао закашлялась так, что чуть не отдала концы на месте.

Сяо Тао в тревоге бросила поднос и подбежала:

— Госпожа, вы в порядке?

Цзян Жао только сейчас заметила, что Сяо Тао рядом. Сдерживая желание вытащить Систему и хорошенько её отдубасить, она натянула улыбку:

— Все хорошо, просто подавилась, ела слишком быстро. Принеси мне, пожалуйста, воды.

Сяо Тао с сомнением посмотрела на неё и побежала в дом.

Когда та ушла, Цзян Жао спросила Систему:

— Ты сказала, в пирожных яд? Кто хочет меня отравить?

Система: Чу Мэн.

Цзян Жао: Но она же главная героиня! Разве героини не должны быть чистыми, всеми любимыми воплощениями добра и справедливости?

Система: ...Я всего лишь бесчувственный механизм, на такие вопросы я отвечать не могу.

Цзян Жао почувствовала, что лицо начало чесаться. Не придав этому значения, она машинально почесалась, и когда Сяо Тао вернулась, то увидела, что лицо госпожи уже в крови.

Сяо Тао в ужасе вскрикнула:

— Гос-госпожа, ваше лицо!

Цзян Жао коснулась кожи, на пальцах осталась кровь. Она поднесла руку к носу, понюхала, и в голове помутилось. Перед тем как потерять сознание, она увидела экран Системы с вопросом, не хочет ли она взять в долг пилюлю Невосприимчивости к Ядам. Она решительно нажала Да.

Опыт показал: у людей, которые падают в обморок при виде крови, реакция одинакова, сколько бы крови ни было.

Цзян Жао пролежала без сознания сутки, и ей снова приснился тот же сон.

На холодном, суровом лице Мужун Цзюэ плясал луч света, делая его еще страшнее. Луч приближался, и к её шее приставили холодное острое лезвие.

Цзян Жао боялась пошевелиться, опасаясь, что голова вот-вот отделится от тела.

Мужун Цзюэ вдруг расхохотался, лезвие дрожало в такт его движениям, а Цзян Жао пятилась в сторону.

— Не двигайся! — взревел Мужун Цзюэ. — Тоже боишься? А когда ты погубила Мэн-эр, ты не думала, что ей тоже будет страшно? Что ей тоже больно?

Цзян Жао чувствовала, что он окончательно обезумел, неся какой-то бред.

— Это не я! Не я её погубила!

Какое отношение я, Цзян Жао, имею к злодеяниям Цзян Сюньцзянь?

— Лжешь! — Мужун Цзюэ высоко поднял клинок и, опуская его, прорычал: — Я срежу с тебя мясо кусочек за кусочком, чтобы ты узнала, каково это — когда жизнь хуже смерти!

— А-а-а-а!

Цзян Жао резко села, тяжело дыша, тело её била крупная дрожь.

— Кошмар какой-то, Мужун Цзюэ, ты псих.

Она вытирала пот и ворчала, но, несмотря на слабость, больше не смела закрыть глаза. Кто знает, не разрубят ли её на куски в следующий раз?

Она встала с кровати, вышла из-за ширмы и, увидев человека, сидящего у стола, замерла. Сердце рефлекторно забилось в бешеном ритме.

— Ты... ты... почему ты здесь?

Мужун Цзюэ поднял голову. Его взгляд был настолько пронзительным, что Цзян Жао не осмелилась встретиться с ним глазами.

— Ты отравлена, — сказал он, и невозможно было понять, беспокоится он или нет. — Порошок Небесного Распада.

Цзян Жао обычно была остра на язык, но сейчас словно кипятком обожглась — не могла вымолвить ни слова.

Конечно, она знала, что отравлена! И знала, что убийца — главная героиня!

Мужун Цзюэ, видя её молчание, слегка нахмурился. Его взгляд потемнел, но он невозмутимо произнес:

— Я во всем разберусь. Не волнуйся.

— О! — отозвалась она неохотно, почти равнодушно.

Мужун Цзюэ помрачнел еще сильнее и поднялся. Цзян Жао почувствовала, как его давление буквально пригвоздило её к месту.

Она решила, что он разозлился. Отголоски кошмара заставляли её дрожать, но в любом случае она не могла позволить себе проиграть, поэтому подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

К её удивлению, Мужун Цзюэ перед ней был совсем не похож на того, что из сна. Хотя от него по-прежнему веяло угрозой, в нем проскальзывало что-то едва уловимое, почти родное.

Цзян Жао решила, что кошмар окончательно лишил её рассудка, раз ей кажется, что Мужун Цзюэ может быть добр.

Вдруг она заметила, что он приоткрыл губы, словно хотел что-то сказать, но в последний момент передумал.

Они долго смотрели друг на друга, затем он достал из-за пазухи маленький черный фарфоровый пузырек и поставил на стол.

— Принимать внутрь: утром, днем и вечером по одной пилюле. Через три дня все пройдет.

Сказав это, он развернулся и ушел, не оглядываясь.

Цзян Жао наконец выдохнула, взяла лекарство, открыла и понюхала — запах был приятный и сладковатый. Она бросила пузырек в ящик стола и достала пилюлю Невосприимчивости к Ядам, купленную в долг у Системы, и проглотила её.

Она не доверяла Мужун Цзюэ.

Лекарство Системы подействовало мгновенно — как только она его проглотила, все симптомы исчезли.

Система: Текущий баланс очков: -80. Пожалуйста, выполните соответствующее задание, чтобы погасить долг.

Цзян Жао смотрела на цифру -80 на экране и жалела, что нельзя выплюнуть только что принятое лекарство.

— Ты же грабитель! Одна баночка за 70 очков? Ты с ума сошла?

Система: Я и есть грабитель, но я хотя бы дала тебе лекарство.

Цзян Жао: ...?

Похоже, Система тоже поумнела.

Она выключила экран и принялась расхаживать по комнате, чтобы унять гнев.

Позже она расспросила Сяо Тао об отравлении — не могла же она просто так потерять 70 очков.

Сяо Тао: Магический лекарь сказал, что это Порошок Небесного Распада. Тот, кто его съест, будет мучиться от нестерпимого зуда, пока не расчесает себя до смерти.

Цзян Жао: Ого! Вот это яд!

Она никак не ожидала, что его подсыплет главная героиня. Разве не она сама должна была её отравить? В конце концов, злодейка здесь — она!

— А что сказал господин города?

Сяо Тао призадумалась:

— Господин спрашивал, что вы сегодня ели.

Сердце Цзян Жао пропустило удар, а Сяо Тао продолжила:

— Я перечислила всё, что вы ели в тот день. Рассказывала целых полчаса, ничего не упустила.

На лице Цзян Жао промелькнуло редкое чувство неловкости.

В те дни она только и делала, что ела.

— Ты не сказала про пирожные с цветами сливы?

— Сказала, но господин сам их приготовил.

— А почему ты сказала, что они с кухни?

Сяо Тао обиженно ответила:

— Так они и правда с кухни. Господин готовил их на кухне.

Цзян Жао: ...

Она была настолько потрясена, что не могла вымолвить ни слова, подозревая, что у неё слуховые галлюцинации.

Мужун Цзюэ приготовил их лично? Мужун Цзюэ вообще умеет готовить? И Мужун Цзюэ готовил их для неё?

В голове воцарился хаос. Неужели сегодня какой-то особенный день для него и оригинала, раз он решил испечь эти пирожные?

<http://bllate.org/book/22260/2329789>